

ШЕСТНАДЦАТЬ СЕСТЕР

Юрий ЛАПТЕВ

«Наша партия хранит и вперед будет хранить, как звезду счастья и груженую щаром ССРР, укрепляя и вперед будем укреплять советское многонациональное государство».

Правда и клятвенная незыблемость этих слов, начертанных на стене Главного павильона, подтверждается на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке десятками экспозиций и буквально сотнями примеров из повседневного быта выставки.

Бот в фоне многоцветного и многоструйного фонтана фотографируются в одной группе селебородый чабан из Туркмении в огромной мохнатой шапке, с лицом, исщепленным степными ветрами и зноем, рядом совсем юная украинка, а за девушкой — гвардейской выправки механик МТС. Она даже не знакома друг с другом, но можно сказать с уверенностью, что каждый будет сберегать этот снимок так же бережно, как хранят семейные портреты.

А вот в павильоне Поволжья — другой старик, тоже гость из Средней Азии, зачерк, как изваяние из темной бронзы, оковано изумительно выполненной панорамой Куйбышевской ГЭС. Рядом стоят две пионерки, московские школьницы. Они тоже смотрят на панораму, но не так внимательно: то и дело перешептываются и кивают на знатного хлопковода, грудь которого украшена четырьмя орденами и Золотой Звездой.

Дальше произошло неожиданное: узбек повернулся к девочкам, протянул к ящикам блестят и, кинув головой на панораму, сказал: по-стариковски повелительно только слово: — Иши!

Московские пионерки сразу поняли, что хочется от них старый хлопковод. Она из школьниц, явно довольная таким доверием, раскрыла блокнот и старательно, как лектор, стала переписывать туда по-стариковски надписи стены.

На Всесоюзной сельскохозяйственной выставке в эти дни происходит не только показ достижений, но и высокого благородства соревнования. И, как при всяком соревновании, здесь выявляются рекордсмены и чемпионы. И если по производству, скажем, сахарной свеклы головной идет Украина, то по качеству удерживает Грузия, а по рыбным богатствам советские Приморье и Сахалин, то Узбекистан — абсолютный чемпион по производству хлопка. Из 2 523 колхозов республики — 2 136 хлопконосец и выражают ссыпьше 60 процентов хлопка-сырца, производимого в ССР.

И не случайно первое, что бросается в глаза при входе в павильон, — это участок зала, покрытый, словно заснеженным кустарником, поросли хлопчатника. А вокруг посева размещены скuptурные изображения лучших хлопководов, имена которых известны далеко за пределами республики. Здесь, по соседству с народным селекционером Назаром Назаровым, который собрал в 1950 году по 93 центнера хлопка с гектара, стоит биостехнологик — академик С. С. Канап и лауреата Сталинской премии Л. В. Румянцева. А рядом со скulptурой дважды Героя Социалистического Труда Аллы Анановой из Киргизии, звено которой состоят леса и где человек вкладывает много труда на на, чтобы наполнить водой жаждущую землю, что происходит в республиках средиземноморских, а на мелиоративные работы. Здесь, в Карело-Финской республике, как и Белоруссии, все больший и больший размах приобретают работы по осушению заболоченной плодородной и освоению торфяных болот. И в этом деле белорусские и карело-финские колхозники при помощи умных и мощных машин достигли больших успехов.

Побывав после Узбекистана на Севере, затем поинтересовавшись «по пути» житьем-бытием дальневосточных и сахалинских рабочих, вы можете вторично «пересечь» Уральский хребет, затем Кавказский и снова очутиться в одной из южных республик — Армении или Азербайджане.

При действительности, вы только что любовались высаженным на входе в павильон Грузии пальмой: проходит всего несколько минут, и ваше внимание привлекает стеклянная красавец кедр, который в обычное время вы могли бы увидеть на склонах Урала, а еще через десяток минут — дальневосточная лиственница, или поросль бахчика, или воспетая Тарасом Шевченко нежная вишня из приднепровских садов.

Вот вы слышите на трибуне выволочного круга, а мимо трибуны мелкими шествуют двугорбые верблюды «Сатуры» и «Руны», которых вы никогда не видели на выставке.

И в этом, в субъектах участников ВСХВ — славных тружеников села из шестнадцати советских республик — тоже заложена неисчерпаемая чрезвычайная ценность выставки.

О граммофонных пластинках

(Обзор писем)

Алтайская, Советский меринес, Грязненская, Азербайджанский горный меринес, Казахская тонкорунная, Северная короткохвостая и ряд других — уже одно перечисление пород говорит о размахе и многообразии овецводства.

Точно такая же трудовая перекличка живописцев всех республик и краев Советского Союза происходит и при демонстрации на вышитом круге лошадей или куриного рогатого скота.

Бык-производитель «Ортез», вес пятьдесят пять килограммов, — сообщает директор.

Мимо трибуны последовательно идет рядом со своим хозяином, весь как бы литьей из мускулов, глянцевито-серый красавец курицемской породы.

Быка симметриальной породы, прибывающего из Москвы с Украиной, из Черниговской области, проводят мимо трибуны Валентин Григорьевич Рудинский.

«Нивелир» — так зовут бугор весом в одну тонну и двести килограммов!

Немного — только сто килограммов — уступает его сородич из Караганды «Гордый танк» — бык казахской белоголовой породы. Это, повидимому, чудовищной силы животное покорно следует за невысоким грохотом, художеством и быстротой жеребенка.

Нина Андреевна Конева — зовут эту женщины, воспитывающую в Карагандинском совхозе несколько быков-производителей.

Сколько впечатляющих рассказов можно услышать от таких участников выставки, как знаменитый синовод с Орловщиной Наталья Никифоровна Городецкая — «автор» знаменитой «Ливенки», или дважды Герой Социалистического Труда Алла Ананова из Киргизии, звено которой за последние годы вырастало в целое количество хлопка, что из него можно выработать восемь миллионов метров хлопчатобумажных тканей!

И в этом, в субъектах участников ВСХВ — славных тружеников села из шестнадцати советских республик — тоже заложена неисчерпаемая чрезвычайная ценность выставки.

**

Однако, говоря о познавательности, необходимо для пользы дела указать и на уничтожении руководства ВСХВ и прежде всего на отсутствие в книжном магазине и многочисленных книжках литературы о выставке — описательной, пропагандирующей, обобщающей опыт.

Только на пятый день в продаже проявлено несколько брошюр-путеводителей, а то иdaleко не по всем павильонам и в явно недостаточном количестве.

Однако за тех людей — колхозников, механизаторов, работников сельхозкооперации, которые уже разъезжаются по домам, увозя из Москвы только свои наблюдения и занеси-

Как помогла бы им литература о выставке!

Не намного лучше обстоит дело с пятым телесериалом, что обнаружилось с первых же дней. Для того, чтобы побывать, где вижу, находящийся на свежем воздухе с утра до вечера, должен потратить часа два двадцатого времени. А время здесь действительно дорого, и каждый проведенный на выставке час обогащает!

Но впрямь, следовало бы организовать на территории выставки стоячую типографию-кухню, где можно было бы широким образом применить принцип самообслуживания.

Нока что этого нет.

И вообще иногда, а особенно в часы «пика» (из которых, кстати, состоит большая половина рабочего дня выставки), создается неизчестление, что организаторы ВСХВ не рассчитывают на столь огромное количество посетителей. Тысячи людей стоят у касс, ожидая возможности попасть на выставку.

Люди хотят учиться!

Вот почему недостаточной оказалась пропускная способность некоторых павильонов. Вот почему вызывает нарекание отсутствие на большой части экспонатов пояснительных надписей.

Эти неполадки надо устранить!

ДРУЖБА

ПОДРАЖАНИЯ БЕРНСУ

А мы авансов не даем.

«Кому?» — сказал поэт.

А если их отдать в печать...

«В печать», — сказал поэт.

То станут критики кричать...

«Пускай», — сказал поэт.

Меня ты ставишь под удар.

«Да ну?» — сказал поэт.

А сам получишь гонорар?

«Ну да», — сказал поэт.

О том, что мы дружьи с тобой...

«Друзья», — сказал поэт.

Молчи до крикши гробовой.

«Идет», — сказал поэт.

Марина КАРЕЛИНА,

Полина КАГАНОВА

ЛЕНИНГРАД

ПОСТИ ПО С. МИХАЙЛОВУ

Под рисунком, как ни странно,

Подпись: «Это обезьяна!»

И теперь я сам не знаю,

Про кого я сочиняю.

— А из моего окна я

Кран огромный

наблюдал,

Изучил подробно

Написал большой

роман...

— Как, роман?

И для детей?

И в романе нет людей?

Дело было вечером,

Спорить было нечего.

Ну, художник, ну, силен!

РИС. БОР. ЕФИМОВА

ХАРЬКОВ

Анатолий ЛАНОВ

ДРУЖБА

— Кто в дверь издательства стучит?

«Конечно, я — поэт!»

С тобой редактор говорит.

«Привет!» — сказал поэт.

Есть у тебя ко мне вопрос?

«Вопрос», — сказал поэт.

Стихи, наверно, ты принес?

«Стихи», — сказал поэт.

Но в них, небось, две сотни строк?

«Все три», — сказал поэт.

Их не прочтешь в короткий срок...

«Прочтешь», — сказал поэт.

В стихах, пожалуй, слов набор?

«Набор», — сказал поэт.

Ты ждешь, чтобы их сдал в набор?

«В набор», — сказал поэт.

Детишки, пожалуйста?

«Дети», — сказал поэт.

Авансы запросишь ты потом?

«Авансы», — сказал поэт.

Да ну? — сказал поэт.

А сам получишь гонорар?

«Ну да», — сказал поэт.

О том, что мы дружьи с тобой...

«Друзья», — сказал поэт.

Молчи до крикши гробовой.

«Идет», — сказал поэт.

Марина КАРЕЛИНА,

Полина КАГАНОВА

ЛЕНИНГРАД

А ЧТО У ВАС?..

Детские писатели

Уселись чинно в ряд.

Детские писатели

Собрались на доклад.

Защептал сосед

соседу,

Начиная с ним

беседы:

— А у меня

в кармане

новость.

— А у вас?

— А у меня сегодня

новость.

— Написал ребятам

книжку.

Я про маленьких мишек.

Но рисунок к этой книжке

был я очень удивлен.

На странице двадцать пятой

Синий-синий, полосатый,

Презеленый, красный...

Слон?!?

Ну, художник, ну, силен!

Есть еще у нас в стране

Больные зубы?

Я томился, я бранился,

Я совсем валился с ног.

Я лицом переменился,

И работать я не мог...

Как терпел я — сам не знаю,

Как я вынес ст

Живые и мертвые традиции

Г. ЛОМИДЗЕ

Неверно воспринимать литературные традиции, складывающиеся в течение длительного процесса художественного развития народа, как исторически отжившие эстетические нормы. Традиции всегда содержат то, что входит в художественный арсенал современности; традиции — не памятники старины, а жизнеспособная, творческая сила, которая помогает рождению и обогащению новых форм искусства.

Культуру прошлого во всех странах, в том числе и в странах Востока, составляли две культуры: реалистичная, служащая интересам господствующих классов, и передовая, отражавшая чаяния и интересы трудового народа. Советской литературной критикой ужас было отмечено, что неправомерно понимать восточную традицию только как «бююность, абстрактную вычурность образов, лишенных реалистической достоверности, как намеренную метафорическую условность и выспренность стиля». Всё это не отличительные качества «восточной поэзии» вообще, а лишь необходимые атрибуты привороной поэзии, воспевающей самодержавных владельцев, рисующей условный идеалистический мир без борьбы и социальных страстей.

Творчество лучших, передовых представителей восточной литературы — Фирдоуси, Низами, Физули, Рудаки, Насир и Хисроу. Бабура создала иную литературную традицию, иную манеру живописи словом. В их произведениях, разных по идейным и художественным достоинствам, передано жилое дыхание далеских времен. Передовые восточные поэты выступают с гениальными стихами, полными превращения по отношению к тем, кто пролал свою мысль власти и музам. Насир и Хисроу, обращаясь к этим низким лясткам, вопрошали:

Стопь и за стихом читаешь пышный стих,
А честь твоя, что кровь, стекает на пол
с них...
Не стыдно ли тебе фальшивое слагать
И фимиам курить, и в каждом слове
Лгать?

Конечно, в произведениях передовых восточных поэтов тоже есть художественные преувеличения, иногда противоречие характеру материала и созданные лишь неудержимым порывом своеобразной фантазии. Конечно, и в их стихах не все реалистически просто и ясно. Но за романтически приподнятым слогом гиперболических образами их стихи стоят большие мысли, полные страсти и благородства чувств. Это не словесная вязь придворной поэзии, не ее художественная, искуственная иатертическая, скрипьюющая отсутствие истинного человеческого содержания.

Обращение современных писателей к передовым традициям национальной культуры заслужено. Но серьезно заблуждаются художники, считающие, что новые отношения людей, новые явления и предметы только потому становятся более близкими и понятными читателям, что выражены с помощью старых, «привычных» форм. Они заблуждаются, предполагая, что новое жизненное содержание уже при помощи «соприкосновения» с традиционной поэтикой обновляет ее. Использование средств традиционной поэтики, привычного, закрепленного в сознании людей арсенала художественных образов предполагает творческое пересмысливание и преобразование их писателем. Традиционные поэтические образы приобретают новую смысловую и эмоциональную окраску.

Когда Джамбул впервые увидел чайшился через бескрайнюю пространство казахской стихии паровоз, он поспел его, как необычайное чудо. Старый акын сравнил паровоз с тулемаром — скажочным скакуном, преодолевающим в мгновение ока необычайные пространства. И это не было в поэзии Джамбула простой данью традиции, условной литературной «фигурой». Джамбул хотел сказать о том, что бескрайняя чайша исполнилась в советскую эпоху, и если народ прежде представлял скажочного, крылатого коня, связанный с ним сокровенное желание — стать хозяином природы, то теперь эта мечта начала сбываться. Многомачательный и новый стал в поэзии Джамбула традиционный фольклорный образ.

Когда же некоторые молодые казахские и киргизские поэты, выросшие в советское время и с детства привыкшие к сияющим паровозам и шуму автомобилей, стали вслед за Джамбулом обращаться к образу крылатого коня тулемара, не внося в этот образ ничего своего, нового, заменив им отсутствие собственного художественного вымысла, важнейших явлений жизни, то конь тулемар, оживший было величием могучей фантазии прославленного акына, мгновенно опадал. Он превратился в ионную клячу для перекуски обшлага и скучного художественного баража некоторых нетривиальных к себе поэтов.

Полностью следование традиции не в повторении, а в творческом претворении. Устойчивые приемы поэтического воспроизведения действительности воспринимаются в новом свете, если художник глубоко пересмысливает их. Так использует Самед Бургун старинную поэтическую форму «гоши» (импровизация), служившую преимущественно для выражения субъективных мотивов скорби или радости. Прото, сохранив традиционное построение «гоши», вложил в эту форму новое содержание, сделав ее средством поэтического воспроизведения духовного мира советского человека.

Богат традиционными образами и сюжетными мотивами подчинены большая мысль, рожденной современностью, они не служат помехой для раскрытия нового содержания. Таджикский поэт М. Миршакар в поэме «Золотой кишлак» намеренно обращается к фольклорному сюжету. В далекие времена на Памире сложились поэтические сказания — ластаны — об обетованной земле, о чудесной стране, где нет поборения и насилия, где человек чувствует себя свободным. Легенда, которая легла в сюжетную основу поэмы Миршакара, кончалась грустными словами о том, что неведомы пути к затерянной в горах прекрасной стране «Золотых кишлаков»; никак не могут найти ее сказатели. Поэт сохраняет сюжетную канву легенды. Но, подчинив традиционный сюжет задаче раскрытия новых важных жизненных закономерностей, Миршакар переосмыслил его. Традиционный сюжет не поменял, а помог поэту показать важные события нашего времени, создать конкретный образ простого человека из народа.

Часть, познакомил нас с подлинной тяжкой и бесприданной долей труда в прошлом. Поэтому не прибегает к восторженным восхищением, пышным, бьющим на вспышки эффектам сравнений, затейливым метафорам. И то, что искатель счастья после долгих странствий и лишений нашел настоящий «Золотой кишлак» в Советской стране, в том самом кишлаке, который он оставил много лет назад, не выглядит склонным превращением. Счастье, путь к которому был долгим и трудным, не напоминало счастье, — одно плод реальных усилий и борьбы человека:

У нас не рай! Был труден каждый шаг, не веся двери Золотой кишлак...

Там, где старая поэтика не переплавлена фантазией художника, не стала фактом его собственного художественного мышления, там возникает многое значительной аллегоричности. Первый советский поэт, открывавший ему духовный мир народа. Если они не служат этой цели, они не могут быть и способом общения и сближения с другим народом. Так возникает звучный превращением. Счастье, путь к которому был долгим и трудным, не напоминало счастье, — одно плод реальных усилий и борьбы человека:

У нас не рай! Был труден каждый шаг, не веся двери Золотой кишлак...

Там, где старая поэтика не переплавлена фантазией художника, не стала фактом его собственного художественного мышления, там возникает многое значительной аллегоричности. Первый советский поэт, открывавший ему духовный мир народа. Если они не служат этой цели, они не могут быть и способом общения и сближения с другим народом. Так возникает звучный превращением. Счастье, путь к которому был долгим и трудным, не напоминало счастье, — одно плод реальных усилий и борьбы человека:

У нас не рай! Был труден каждый шаг, не веся двери Золотой кишлак...

Там, где старая поэтика не переплавлена фантазией художника, не стала фактом его собственного художественного мышления, там возникает многое значительной аллегоричности. Первый советский поэт, открывавший ему духовный мир народа. Если они не служат этой цели, они не могут быть и способом общения и сближения с другим народом. Так возникает звучный превращением. Счастье, путь к которому был долгим и трудным, не напоминало счастье, — одно плод реальных усилий и борьбы человека:

У нас не рай! Был труден каждый шаг, не веся двери Золотой кишлак...

Там, где старая поэтика не переплавлена фантазией художника, не стала фактом его собственного художественного мышления, там возникает многое значительной аллегоричности. Первый советский поэт, открывавший ему духовный мир народа. Если они не служат этой цели, они не могут быть и способом общения и сближения с другим народом. Так возникает звучный превращением. Счастье, путь к которому был долгим и трудным, не напоминало счастье, — одно плод реальных усилий и борьбы человека:

У нас не рай! Был труден каждый шаг, не веся двери Золотой кишлак...

Там, где старая поэтика не переплавлена фантазией художника, не стала фактом его собственного художественного мышления, там возникает многое значительной аллегоричности. Первый советский поэт, открывавший ему духовный мир народа. Если они не служат этой цели, они не могут быть и способом общения и сближения с другим народом. Так возникает звучный превращением. Счастье, путь к которому был долгим и трудным, не напоминало счастье, — одно плод реальных усилий и борьбы человека:

У нас не рай! Был труден каждый шаг, не веся двери Золотой кишлак...

Там, где старая поэтика не переплавлена фантазией художника, не стала фактом его собственного художественного мышления, там возникает многое значительной аллегоричности. Первый советский поэт, открывавший ему духовный мир народа. Если они не служат этой цели, они не могут быть и способом общения и сближения с другим народом. Так возникает звучный превращением. Счастье, путь к которому был долгим и трудным, не напоминало счастье, — одно плод реальных усилий и борьбы человека:

У нас не рай! Был труден каждый шаг, не веся двери Золотой кишлак...

Там, где старая поэтика не переплавлена фантазией художника, не стала фактом его собственного художественного мышления, там возникает многое значительной аллегоричности. Первый советский поэт, открывавший ему духовный мир народа. Если они не служат этой цели, они не могут быть и способом общения и сближения с другим народом. Так возникает звучный превращением. Счастье, путь к которому был долгим и трудным, не напоминало счастье, — одно плод реальных усилий и борьбы человека:

У нас не рай! Был труден каждый шаг, не веся двери Золотой кишлак...

Там, где старая поэтика не переплавлена фантазией художника, не стала фактом его собственного художественного мышления, там возникает многое значительной аллегоричности. Первый советский поэт, открывавший ему духовный мир народа. Если они не служат этой цели, они не могут быть и способом общения и сближения с другим народом. Так возникает звучный превращением. Счастье, путь к которому был долгим и трудным, не напоминало счастье, — одно плод реальных усилий и борьбы человека:

У нас не рай! Был труден каждый шаг, не веся двери Золотой кишлак...

Там, где старая поэтика не переплавлена фантазией художника, не стала фактом его собственного художественного мышления, там возникает многое значительной аллегоричности. Первый советский поэт, открывавший ему духовный мир народа. Если они не служат этой цели, они не могут быть и способом общения и сближения с другим народом. Так возникает звучный превращением. Счастье, путь к которому был долгим и трудным, не напоминало счастье, — одно плод реальных усилий и борьбы человека:

У нас не рай! Был труден каждый шаг, не веся двери Золотой кишлак...

Там, где старая поэтика не переплавлена фантазией художника, не стала фактом его собственного художественного мышления, там возникает многое значительной аллегоричности. Первый советский поэт, открывавший ему духовный мир народа. Если они не служат этой цели, они не могут быть и способом общения и сближения с другим народом. Так возникает звучный превращением. Счастье, путь к которому был долгим и трудным, не напоминало счастье, — одно плод реальных усилий и борьбы человека:

У нас не рай! Был труден каждый шаг, не веся двери Золотой кишлак...

Там, где старая поэтика не переплавлена фантазией художника, не стала фактом его собственного художественного мышления, там возникает многое значительной аллегоричности. Первый советский поэт, открывавший ему духовный мир народа. Если они не служат этой цели, они не могут быть и способом общения и сближения с другим народом. Так возникает звучный превращением. Счастье, путь к которому был долгим и трудным, не напоминало счастье, — одно плод реальных усилий и борьбы человека:

У нас не рай! Был труден каждый шаг, не веся двери Золотой кишлак...

Там, где старая поэтика не переплавлена фантазией художника, не стала фактом его собственного художественного мышления, там возникает многое значительной аллегоричности. Первый советский поэт, открывавший ему духовный мир народа. Если они не служат этой цели, они не могут быть и способом общения и сближения с другим народом. Так возникает звучный превращением. Счастье, путь к которому был долгим и трудным, не напоминало счастье, — одно плод реальных усилий и борьбы человека:

У нас не рай! Был труден каждый шаг, не веся двери Золотой кишлак...

Там, где старая поэтика не переплавлена фантазией художника, не стала фактом его собственного художественного мышления, там возникает многое значительной аллегоричности. Первый советский поэт, открывавший ему духовный мир народа. Если они не служат этой цели, они не могут быть и способом общения и сближения с другим народом. Так возникает звучный превращением. Счастье, путь к которому был долгим и трудным, не напоминало счастье, — одно плод реальных усилий и борьбы человека:

У нас не рай! Был труден каждый шаг, не веся двери Золотой кишлак...

Там, где старая поэтика не переплавлена фантазией художника, не стала фактом его собственного художественного мышления, там возникает многое значительной аллегоричности. Первый советский поэт, открывавший ему духовный мир народа. Если они не служат этой цели, они не могут быть и способом общения и сближения с другим народом. Так возникает звучный превращением. Счастье, путь к которому был долгим и трудным, не напоминало счастье, — одно плод реальных усилий и борьбы человека:

У нас не рай! Был труден каждый шаг, не веся двери Золотой кишлак...

Там, где старая поэтика не переплавлена фантазией художника, не стала фактом его собственного художественного мышления, там возникает многое значительной аллегоричности. Первый советский поэт, открывавший ему духовный мир народа. Если они не служат этой цели, они не могут быть и способом общения и сближения с другим народом. Так возникает звучный превращением. Счастье, путь к которому был долгим и трудным, не напоминало счастье, — одно плод реальных усилий и борьбы человека:

У нас не рай! Был труден каждый шаг, не веся двери Золотой кишлак...

Там, где старая поэтика не переплавлена фантазией художника, не стала фактом его собственного художественного мышления, там возникает многое значительной аллегоричности. Первый советский поэт, открывавший ему духовный мир народа. Если они не служат этой цели, они не могут быть и способом общения и сближения с другим народом. Так возникает звучный превращением. Счастье, путь к которому был долгим и трудным, не напоминало счастье, — одно плод реальных усилий и борьбы человека:

У нас не рай! Был труден каждый шаг, не веся двери Золотой кишлак...

Там, где старая поэтика не переплавлена фантазией художника, не стала фактом его собственного художественного мышления, там возникает многое значительной аллегоричности. Первый советский поэт, открывавший ему духовный мир народа. Если они не служат этой цели, они не могут быть и способом общения и сближения с другим народом. Так возникает звучный превращением. Счастье, путь к которому был долгим и трудным, не напоминало счастье, — одно плод реальных усилий и борьбы человека:

У нас не рай! Был труден каждый шаг, не веся двери Золотой кишлак...

Там, где старая поэтика не переплавлена фантазией художника, не стала фактом его собственного художественного мышления, там возникает многое значительной аллегоричности. Первый советский поэт, открывавший ему духовный мир народа. Если они не служат этой цели, они не могут быть и способом общения и сближения с другим народом. Так возникает звучный превращением. Счастье, путь к которому был долгим и трудным, не напоминало счастье, — одно плод реальных усилий и борьбы человека:

У нас не рай! Был труден каждый шаг, не веся двери Золотой кишлак...

Там, где старая поэтика не переплавлена фантазией художника, не стала фактом его собственного художественного мышления, там возникает многое значительной аллегоричности. Первый советский поэт, открывавший ему духовный мир народа. Если они не служат этой цели, они не могут быть и способом общения и сближения с другим народом. Так возникает звучный превращением. Счастье, путь к которому был долгим и трудным, не напоминало счастье, — одно плод реальных усилий и борьбы человека:

У нас не рай! Был труден каждый шаг, не веся двери Золотой кишлак...

Там, где старая поэтика не переплавлена фантазией художника, не стала фактом его собственного художественного мышления, там возникает многое значительной аллегоричности. Первый советский поэт, открывавший ему духовный мир народа. Если они не служат этой цели, они не могут быть и способом общения и сближения с другим народом. Так возникает звучный превращением. Счастье, путь к которому был долгим и трудным, не напоминало счастье, — одно плод реальных усилий и борьбы человека:

У нас не рай! Был труд

